

11 класс

Задание 1

Выполните целостный анализ ОДНОГО из предложенных произведений (либо прозаического, либо стихотворного).

Вероника Тушнова (1911 – 1965)

Не отрекаются любя

Не отрекаются любя.
Ведь жизнь кончается не завтра.
Я перестану ждать тебя,
а ты придешь совсем внезапно.
А ты придешь, когда темно,
когда в стекло ударит вьюга,
когда припомнишь, как давно
не согревали мы друг друга.
И так захочешь теплоты,
не полюбившейся когда-то,
что переждать не сможешь ты
трех человек у автомата.
И будет, как назло, ползти
трамвай, метро, не знаю что там.
И вьюга заметет пути
на дальних подступах к воротам...
А в доме будет грусть и тишь,
хрип счетчика и шорох книжки,
когда ты в двери постучишь,
взбежав наверх без передышки.
За это можно все отдать,
и до того я в это верю,
что трудно мне тебя не ждать,
весь день не отходя от двери.

1944

Выполните целостный анализ произведения В. Тушновой. При анализе примите во внимание следующие особенности его содержания и формы: смысл названия стихотворения, особенности грамматического строя стихотворения (глаголы будущего времени), роль художественных деталей для выражения драматизма любовного отношений. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Вячеслав Сергеевич Комков (р. 1982)

Я – немец

У мамы давно трясется голова, и это уже не поправишь, хотя она еще не старая. Иногда папа делает ей замечание, на 5-10 минут тряска прекращается. Правда, мама сама просит говорить ей об этом. Она хочет быть молодой и красивой, все хотят быть молодыми и красивыми.

В честь моего приезда мама собирает всю семью. Иногда даже приезжает очень занятой брат. Мы сидим за большим, слишком большим столом с белоснежной скатертью, стол заставлен едой, как на Новый год, — за один раз столько не съесть. Я точно знаю, что мои экономные родители будут доедать все это еще неделю.

Мама наливает всем некрепкий чай, крепкий ей нельзя, и все пьют ее чай. Разговор не клеится, и мама пускается в воспоминания. Как мой брат Дима нашел дома деньги и пошел раздавать всем на улице. Как я поджигал на балконе пластилиновую крепость и чуть не сжег весь дом. Как мы с братом разбили ночной горшок. Как я пытался засунуть проволоку в розетку, а мама мне не дала.

— Как ты кричал тогда! Как ты много кричал в детстве! — Мама смотрит на меня влюбленными глазами.

Я помню, как я кричал. Я кричал так, что нас без очереди пускали в детской поликлинике, где обычно приходилось ждать врача по два часа. Я кричал, когда мясо не было прожарено до состояния подошвы. Я кричал, когда мой старший брат чавкал, а если он не переставал чавкать, я бил его. Я кричал, когда нужно было идти в детский сад. Когда у меня болели уши, а уши у меня болели часто. Когда мне не покупали мороженое, новый пистолет, огромного пластикового крокодила и живого пингвина из зоопарка. Когда мама отказывалась читать мне сказку на ночь.

Видимо, когда бог лепил из глины мою голову, то забыл положить в нее горстку спокойствия. И детство мое состояло из крика.

Чего тебе не хватает, милый маленький Боря? Ты смотришь мимо объектива. У тебя нос пуговкой, огромные глаза, клетчатая рубашечка, шортики в рубчик, сандалики, в руках пластиковый зайчик. Никто и предположить не может, что после того, как снимок сделан, это очарование кинет зайчика в фотографа и закричит изо всех сил. Почему ты кричишь, милый маленький Боря? Нет, не дает ответа.

Самый страшный мой крик я не помню, мне о нем рассказала мама, и подтвердил папа, и бабушка, и старший брат Дима, которого я давно уже не бью.

Зима, мы едем из поликлиники в автобусе. За окном темно и скучно, я хочу играть. Но мама со мной не играет. Я плохо вел себя в поликлинике. Играл в самолет:

— Ааааа-аааааа-ааааа! — Очень громкий самолет пикирует на неприятеля и... — Тра-та-та-та-та!

Мама усаживает бравого пилота на скамейку. В очереди надо вести себя тихо, и мама говорит мне:

— Тихо.

Тихо — значит замереть, умереть, уснуть. Уснуть! И видеть сны, быть может?

Но во мне столько жизни! А вокруг ничего нет. Пустота. Коридор, покрашенный блестящей зеленой и белой красками, кадки с алоэ и пальмами. Отваливающаяся от пола пластиковая плитка. Эти люди, послушно убивающие свое время в очереди. Всего этого не существует?! Или нет? Я осторожно щиплю мальчика, сидящего рядом. Оказывается, он не манекен, он живой! Он кричит, он плачет! И мама у него живая, она кричит на мою маму.

Выходит хмурый ЛОР.

— Алихановы, заходите.

Этот врач видит меня каждый месяц, иногда даже летом, и знает — еще немного и коридор взорвется вместе со мной.

Он больно ковыряется у меня в ухе, но я терплю. Промывает раствором фурацилина, это тоже очень больно. Я говорю «ааааа». Но очень тихо и не вырываюсь. Рецепт на ушные капли, компресс, кровь из пальца с 8 до 10, в детский сад не ходить две недели — мой стандартный набор. Ура, можно две недели смотреть мультики дома!

— Почему ты так часто болеешь? — спрашивает меня хмурый ЛОР.

— Не знаю.

Автобус трясет, ухо болит. Мама расстроена, я опять устроил концерт, а теперь требую, чтобы со мной играли. Я уже все забыл, а вокруг ничего интересного!

Я дышу на стекло и пытаюсь нарисовать смешную рожицу. Мама одергивает меня.

— Не трогай стекло, оно грязное.

Я сижу, сложив руки, делать нечего. Даже не посмотреть, что там снаружи. Хотя снаружи страшное уныние, фонари горят очень тускло, снег не идет. Сугробы жидкие и серые, если прыгнуть в такой сугроб, то никакого удовольствия не получишь. Почему — не знаю, может быть, потому что он не белый и искрящийся?

— Я — немец! — внезапно говорю я.

Почему немец? Вот фотография, на ней маленький милый мальчик, размахивающий погнутой алюминиевой саблей на спинке старого зеленого кресла, с прищепками в волосах. Разве он ответит? Нет, не ответит.

Мама решает не реагировать. Смотрит мимо.

— Я — немец, — говорю я чуть громче.

Мама вновь молчит.

— Я — немец! — кричу я так громко, что ближайшие соседи оборачиваются.

— Помолчи.

— Я — немец!

— Молчи!

— Я — немец! — ору так, что услышал весь автобус. — Немец! Немец! Немец!

Мама уже не может успокоить меня. Крик заполнил всего меня, мамину голову, головы пассажиров. Ярость — магма, бурлившая в моей голове, с радостью взорвалась, выкинув наружу газы, пепел, руду и алюю, сжигающую все на своем пути лаву. Она затопила весь автобус. Долой скуку! Даешь веселье! Огонь! Лава! Жги! Ааааа!

Загасить вулкан можно только пристрелив меня или заткнув рот тряпкой.

На мамино счастье двери автобуса открылись, и мы тут же вышли.

Темный декабрьский вечер. Идти до дома нам остается километр, по нечищенным от снега улицам.

Я все повторяю и повторяю на разные лады «НЕМЕЦ! Немец! Нееееееец! Немец-немец-немец! НЕМЕЕЕЦ!» На улице не так страшно. Редкие прохожие шарахаются от меня, с жалостью смотрят на маму. Она не ругает меня, не шлепает. Она прочитала в книге, что детей шлепать нельзя. В подростковом возрасте я найду эту книгу в домашней библиотеке, она называется «Мой трудный ребенок».

Трудный ребенок — это я, конечно. Кто с наслаждением бьет старшего брата на глазах у всего двора? Кто отбирает у «взрослых» ребят мяч, бросаясь им под ноги? Кто не хочет читать самостоятельно? У кого всегда разбиты коленки? Кто перелезает на балкон к соседям, чтобы поиграть с котом? Бедная моя мама!

Мама не ругает меня, она просто тянет мое маленькое вопящее тельце за собой. Уже у самого дома я устаю кричать.

На ужин пюре и котлеты, зажаренные, как я люблю. Так что я не капризничаю. Или просто выдохся. Дальше все как обычно. Папа играет со мной в лошадку и борется. Брат пытается посмотреть футбол, но я ему не даю и переключаю на мультики. На ночь бабушка читает про Халифа-аиста.

— Мутабор! Мутабор! — повторяю я и засыпаю.

Утром бабушка ведет меня в поликлинику, и я даже не плачу, когда берут кровь из пальца.

День проходит прекрасно, я рисую, смотрю мультики, когда Дима возвращается из школы, мы строим дворец из двух кресел, покрывала и коробки, где хранятся игрушки. Около трех с работы приходит мама.

— Как в школе?

Дима тут же приносит дневник: «5» по русскому, «5» по математике, «5» по природоведению, «3» по физкультуре.

— А у меня вот. — Я тащу все рисунки, вот лебедь, танчики, мама, я в папахе, кот.

Мама хвалит Диму, меня нет. Я невидимка!

— Дима, смотри, мама меня не видит! — И я начинаю корчить рожи, а Дима смеяться.

Но мама уходит на кухню греть обед.

— Ешьте.

Рассольник очень вкусный, и я сразу же его съедаю, а затем леплю человечков из хлебного мякиша, что обычно мне не позволено. Дима, посмотрев на меня, тоже лепит человечков.

— Дима, перестань! — говорит мама раздраженным тоном.

— Почему Боре можно, а мне нельзя?

— Ты большой и умный, это ты должен подавать ему пример.

Дима обиделся.

Мама отправляется обратно, на кухне и дальше игра идет по обычному сценарию.

— Бориска-сосиска! Бориска-редиска! Бориска-дуриска!

И вот я уже остервенело бью его. Он вырывается. Мы носимся по комнате. Рубашки разорваны. На полу цветочный горшок. Земля рассыпана по ковру. Опрокинута тарелка с супом. Стул перевернут.

— Война! Ааааа!

Я плачу. В руках у меня гантель, у брата — швабра. Резко открывается дверь.

— Он первый начал!

— Он обзывался!

Мама молча ставит меня в угол. А брат с мамой отправляются на кухню. Дима показывает мне на прощание язык.

День-вечер-утро-день-вечер-утро-день-вечер. Время проходит по одному сценарию. Меня кормят, дают лекарства, водят к врачам и не разговаривают, насколько это возможно. Я хорошо себя веду. Я очень хорошо себя веду.

— Мама, смотри, я читаю! — Я начинаю с заиканием по слогам читать «Карлсона».

Мама так мечтала, чтобы я научился читать! Но она говорит:

— Хорошо, продолжай! — и идет заниматься с Димой.

На самом деле я уже здоров и могу ходить в детский сад, есть сосульки, валяться на снегу, кататься с горки на санках и на попе, стоять весь день без шапки на морозе, но официально я болею.

После «Спокойной ночи, малыши» я притворяюсь спящим и долго щиплю себя за бедро, чтобы не уснуть по-настоящему, жду, пока все улягутся.

— Аааа! — Я имитирую острую ушную боль. — Аааааа!

Вместо мамы ко мне приходит папа и успокаивает.

Утром-день-вечер-утро-день-вечер-утро-день-вечер. Ничего не меняется. Я уже не бью брата, он даже не пытается меня задирать.

— Мама, смотри, я почистил картошку! — Два пальца порезаны, все свободные кастрюли заполнены картошкой.

Мама вздыхает:

— Хорошо, больше не надо.

Мы раздаем картошку друзьям родителей и родственникам и все равно едим ее неделю.

Иногда кажется, мама сдастся и погладит меня, почитает на ночь про Нильса и диких гусей, возьмет меня на руки, спросит не о температуре, кашле или ушах!

— Мутабор! Мутабор! — повторяю я.

Но нет, она посмотрит на меня, улыбнется и пойдет по делам. А какие у нее могут быть дела, кроме меня?

На пятый или шестой день папа пытается заступиться за меня:

— Люда, хватит уже! Нельзя игнорировать ребенка столько времени!

— Он должен понять, что так нельзя себя вести.

— Он уже понял.

— Ничего, еще потерпит.

Я просыпаюсь ночью мокрый. Писаться я перестал год или полтора назад, а тут такая неожиданность. Я собираю белье и несу в ванную. За стиркой меня застает бабушка.

— Я утром постираю.

Она моет, переодевает меня и укладывает вместе с собой. Бабушка большая, мягкая и теплая, я засыпаю очень быстро.

— Люда!

— Отстань, это мой ребенок! Как будто ты была лучше меня?!

И бабушка уходит, поджав губы.

Я прошу папу научить меня шить. Три дня я колю себе пальцы, но наперстка не признаю. Грубым солдатским стежком я шью себе кимоно, распоров старую папину морскую форму, и довольный бегаю в ней по дому.

До окончания больничного остается совсем немного. Вторник 27 января 1987 года. Я как всегда один на целый день. У меня очень много времени, чтобы сшить маме подарок, я очень стараюсь, мне больно, но я продолжаю выводить аккуратные стежки.

Я хочу сначала показать свою поделку Диме, а потом уже маме. Я сижу у двери и жду, когда щелкнет замок. Мама внезапно пришла раньше, нагруженная продуктами.

Не раздеваясь, она бросается обнимать и целовать меня, мама плачет. Никогда я не видел, чтобы она плакала так сильно, даже когда я собрался умирать в начале 8 класса. Я сижу с зашитым ртом, кровь из ранок залилась между губ и свернулась там. В руках я держу плакат с кривыми перевернутыми буквами «я — немец».

Говорят, пока я лежал в больнице, Дима попытался отрезать себе язык, но его вовремя перехватывает папа. За достоверность этого факта я не ручаюсь. Но дразнить он перестал меня навсегда, и мы больше никогда не дрались.

— Как ты много кричал в детстве! — Мама смотрит на меня влюбленными глазами.

Через час я уйду с друзьями сперва в «Грибоедов», потом в «Фиш фабрик», «Мод», пить текилу, знакомиться девушками, плясать до упаду. Или возьму велосипед и отправлюсь в лес прокладывать новые маршруты. Мама увидит меня в воскресенье вечером, перед отъездом, а потом лишь через месяц, чтобы снова собрать всю семью за этим очень большим столом и вместе смотреть на фотографии с загнутыми краями.

2017

Выполните целостный анализ произведения В.С. Комкова. При анализе примите во внимание следующие особенности его содержания и формы: смысл названия рассказа, формы организации повествования от первого лица, использования форм глаголов настоящего времени для воспроизведения воспоминаний о детстве рассказчика; роль литературных аллюзий, сопоставления прошлого и настоящего. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Задание 2

Для съемок документального фильма о поэтах и поэзии Серебряного века напишите инструкцию для декоратора, содержащую подробное описание интерьера жилища лирического героя ОДНОГО из стихотворений. При составлении описания объясните ему важность использования указанных вами элементов архитектуры, мебели, предметов повседневного обихода для иллюстрации художественного мира стихотворения и внутреннего мира лирического героя, соответствующие эпохе и ситуации; обоснуйте их стилистическую соотнесенность с материальной культурой эпохи.

Андрей Белый

Любовь

Был тихий час. У ног шумел прибой.
Ты улыбнулась, молвив на прощанье:
«Мы встретимся... До нового свиданья...»
То был обман. И знали мы с тобой,

что навсегда в тот вечер мы прощались.
Пунцовым пламенем зарделись небеса.
На корабле надулись паруса.
Над морем крики чаек раздавались.

Я вдаль смотрел, щемящей грусти полн.
Мелькал корабль, с зарею уплывавший
среди нежных, изумрудно-пенных волн,
как лебедь белый, крылья распластавший.

И вот его в безбрежность унесло.
На фоне неба бледно-золотистом
вдруг облако туманное возшло
и запылало ярким аметистом.

1901

Анна Ахматова

Приходи на меня посмотреть...

Приходи на меня посмотреть.
Приходи. Я живая. Мне больно.
Этих рук никому не согреть,
Эти губы сказали: «Довольно!»

Каждый вечер подносят к окну
Мое кресло. Я вижу дороги.
О, тебя ли, тебя ль упрекну
За последнюю горечь тревоги!

Не боюсь на земле ничего,
В задыханьях тяжелых бледнея.
Только ночи страшны оттого,
Что глаза твои вижу во сне я.

1912

Александр Блок

Когда мы встретились с тобой...

Когда мы встретились с тобой,
Я был больной, с душою ржавой.
Сестра, сужденная судьбой,
Весь мир казался мне Варшавой!
Я помню: днем я был «поэт»,
А ночью (призрак жизни вольной!) —
Над черной Вислой — черный бред...
Как скучно, холодно и больно!
Когда б из памяти моей
Я вычеркнуть имел бы право
Сырой притон тоски твоей
И скуки, мрачная Варшава!
Лишь ты, сестра, твердила мне
Своей волнующей тревогой
О том, что мир — жилище бога,
О холоде и об огне.

1914